

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ГОД
ЧЕРНОЙ
ЛОШАДИ

СЛЫШИШЬ СТУК КОПЫТ?

Марина и Сергей Дяченко

Год черной лошади

Серия «Дяченко. Шедевры русской фантастики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74635166

Год чёрной лошади / Марина и Сергей Дяченко: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-255941-9

Аннотация

Перед вами долгожданное переиздание легендарного сборника лучших мистических рассказов грандмастеров фантастики Марины и Сергея Дяченко, дополненное повестями «Лихорадка» и «Электрик»!

Баскетбольная площадка в аду, неоплаченный счет за электричество, который приводит к смерти, возлюбленный вернувшийся с того света... Обычные люди сталкиваются с необъяснимым, а привычный мир дает трещину, обнажая кошмарную реальность.

Всем, кто ценит странное и страшное у Стивена Кинга и Рэя Бредбери.

Супруги Дяченко – писатели-соавторы, сценаристы, лауреаты более ста литературных премий, включая звание лучших фантастов Европы. Последние десять лет жили в США,

писали на русском языке в жанрах современной научной фантастики, фэнтези и сказки. Их книги переведены и издаются в Америке, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Испании, Бразилии, Китае и других странах.

Содержание

Цикл «Год чёрной лошади»	6
Баскетбол	6
Волосы	39
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Марина и Сергей Дяченко

Год чёрной лошади

Серия «Дяченко. Шедевры российской фантастики»

В оформлении использована фотография *Марии Любимовой*



© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Цикл «Год чёрной лошади»

Баскетбол



* * *

– Это Саша, – сказал тот, что стоял у Антона за левым плечом.

Саша был двухметровым тощим парнем в линялой желтой майке с цифрой «девять» на животе.

– А это Людовик.

Людовик сидел на камушке в тени покосившегося забора. Очки в тоненькой гнутой оправе то и дело съезжали ему на нос, и он время от времени скидывал голову, забрасывая их обратно. Антон не мог отвести глаз от этих очков – его будто тянули за взгляд, как за ниточку. Людовик усмехнулся и подмигнул сквозь мутное стекло, и от этой усмешки и этого подмигивания у Антона мороз продрал по коже.

– ...А это мяч.

Оранжевый мяч звонко подпрыгнул, и Антон машинально поймал его. Ощутил пупырышки на резиновой поверхности – знакомое прикосновение, сразу напомнившее о хорошем. Что-то из давнего славного времени.

– Саша у нас играет с Людовиком, а ты будешь играть со мной, – тот, что стоял у Антона за спиной, вышел наконец на свет. Поднял голову, взглянул, щурясь, на небо:

– Ну и пекло сегодня... Ну, идем.

Он назывался Мэлом, был невысок – во всяком случае, в сравнении с Антоном и Сашей. Носил оранжевую футболку с желто-бирюзовым рисунком на груди: натюрморт из двух груш и неестественно синей сливы. Его джинсы были подвернуты до щиколоток и открывали взгляду огромные белые кроссовки.

– А вот наше поле. Нравится?

Баскетбольная площадка была полностью покрыта снегом. Снег – слой толщиной в палец – подтаял и застыл, и это было неприятно, потому что сверху жгло невидимое, но от этого не менее злое солнце. А снег лежал.

– Вот, ребятки, – Мэл улыбнулся, от его улыбки Антону стало почему-то спокойнее. – Разминайтесь, пристреливайтесь, а мы с Людовиком посмотрим... Давай, Антоша, смелее.

Нет ничего более странного, чем играть в баскетбол на утоптанном снегу. Время от времени кроссовки скользили; долговязый Саша позволил Антону немного постучать мячом, пробежаться, несколько раз бросить со штрафной в кольцо – а потом они встали на центре, лицом к лицу.

Саша взялся отбирать у Антона мяч, и почти сразу отобрал. И рванул к кольцу – Антон не поспевал за ним; бросок – мяч забился в сетке. Саша нервно улыбнулся, потом оглянулся зачем-то на Людовика и Мэла, молча сидящих в тени:

– А ну, давай еще...

Они кружили по площадке, забыв про снег под ногами и

невидимое солнце над головой. Саша был, по всей видимости, профессионал; Антон готов был прервать игру, опустить руки и сдаться.

В какой-то момент Сашино лицо оказалось очень близко, Антон услышал едкий запах пота и сбивчивые слова:

– Сачкуешь... Играй! Он же смотрит! Играй, сука!..

Антон обозлился. Раскрыл Сашу обманным движением, наконец-то отобрал мяч, повел по ледяному полю, и с каждым ударом о белый спекшийся снег к нему возвращались и навыки, и рефлексy, и радость Игры.

Он даже успел удивиться.

Чужое дыхание за спиной; Антон крутанулся, обвел Сашу и бросил мяч в кольцо – так яблоко кладут в корзину. Оранжевый шар проскользнул в сетку, будто намазанный маслом.

Со стороны зрителей донеслось несколько хлопков. Антон обернулся; Мэл аплодировал. Людовик усмехался, поблескивая стеклами очков.

– Молодец, – сказал Саша. Его волосы сосульками прилипли к вискам. – Давай еще...

И они играли еще. Саша забросил два мяча, Антон три, причем один из них – почти с середины поля. И всякий раз, когда Сашино лицо оказывалось рядом, Антон слышал сбивчивое:

– Играй... Не филонь...

Наконец мяч, отскочив от Сашиного колена, укатился прямо под ноги зрителям. Людовик придержал его остроно-

сым ботинком, посмотрел на Мэла, перевел взгляд на оставшихся в пяти шагах Антона и Сашу.

– Ступайте, ребята, – сказал Мэл. – Антон, познакомься с командой.

Саша пошел впереди, Антон следом. Обогнули деревянный забор; Антон с трудом удерживался, чтобы не обернуться на Мэла с Людовиком, по-прежнему сидящих в полосатой тени неплотно пригнанных досок.

Саша облизнул губы:

– Ты... Хорошо играешь. Только не сачкуй. Тут один был до тебя... Играй, короче, только в полную силу. Понял?

– А я и играю в полную, – сказал Антон. – Просто я...

– Никого не интересует, – сказал Саша. – Если тебе хоть здесь повезло, так и отработывай... Ты мастер?

– Не успел, – сказал Антон. – Кандидат.

– Мэл никого ниже мастера не берет, – сказал Саша. – Видать, ты очень-таки фартовый. Пруха тебе... Только не трясись. Тут еще неплохо – если привыкнешь.

Антон оглянулся. Рядом, метрах в десяти, двумя тесными группками стояли парни – из тех, чьи головы обычно плывут над толпой. Четверо в желтых майках и четверо – в зеленых. Один, наголо стриженный, держал зеленую майку в руках.

– Привет, – сказал стриженный. – Это твоя.

– Антон, – сказал Антон, протягивая руку.

– Вова, – сказал стриженный.

У них у всех были влажные ладони. И крепкие, без задней

мысли, пожатия.

– Артур...

– Игорь...

– Костя...

Саша кивнул своим. И те тоже подошли знакомиться:

– Олег...

– Славик...

– Я тоже Славик...

– Дима...

Все они стояли, переминаясь с ноги на ногу. Смотрели, как Антон стягивает белую футболку, как надевает зеленую майку, пахнущую... чем?

– Значит, вместе будем играть, – сказал Вова, и видно было, что ему неловко.

– Ага, – сказал Антон.

– Ты за кого играл?

– За юношеский «Зенит»...

– Как за юношеский?

– Так... Я кандидат... Мастера не успел получить...

Парни в зеленом переглянулись.

– Он классно играет, – сказал Саша. – Мэл же его взял.

– Ну да, – сразу согласился Вова. Как показалось Антону, с облегчением.

– Пошли, – сказал Саша. – Уже пора.

Антону показалось, что прошло всего две минуты с того момента, как Людовик сказал «ладно, ребята, идите...»

И Людовик, и Мэл сидели все там же. В тени забора.

– Готовы? – Мэл улыбнулся. У него была хорошая, искренняя улыбка; Антону сразу стало легче, он несмело улыбнулся в ответ:

– Мы же... а тренировка? Комбинации?

– Мы будем играть игроками, а не комбинациями, – серьезно сказал Мэл. – Я буду помогать вам, Людовик – им... Фолить не надо, грубо играть не надо, свисток слушать надо, а в остальном – сам все увидишь, – и Мэл кивнул, давая понять, что время разговоров прошло.

– Будешь играть в связке со мной в нападении, – шепотом сказал Вова.

– Но мы же не тренировались, – робко возразил Антон.

Вова насупился:

– А ты разуй глаза и следи за игрой. Я пойду в проход и вытащу твоего защитника на себя, а потом отдам тебе пас за голову, а ты тогда вколачивай сверху...

Людовик подобрал губы и свистнул. Взлетел мяч; команда Людовика рванула в атаку сильно и слаженно. Антон на секунду растерялся – Вова толкнул его в спину, выкрикнул что-то непечатное, тогда Антона будто включили: он увидел мяч, бьющий в наст под широкой ладонью парня с цифрой «пять» на желтой майке, потом увидел Сашу, который ожидал передачи, а потом увидел всю игру – колесики и шестеренки, готовые зацепиться одна за другую, и вот механизм команды соперников приходит в движение, и вот уже Саша

атакует кольцо, которое защищают, кажется, Костя с Игорем...

Бросок сорвался. Костя перехватил мяч, отдал передачу Игорю, а тот – Артуру; Антона перекрывал защитник с номером «шесть» на майке, Антон не помнил его имени. Следовало избавиться от опеки как можно скорее; Вова ждал паса, и Артур отдал ему пас, но Саша – это был Саша! – выпрыгнул и перехватил мяч, и понесся к кольцу, танцуя, обводя защитников, отдал пас кому-то из своих и получил ответную передачу, снова выпрыгнул...

Боковым зрением Антон видел, как Мэл взмахнул рукой. Круглый камень величиной с куриное яйцо ударил Сашу в затылок; мяч отскочил от кольца. Саша упал, выбросив вперед длинные мосластые руки.

– Ноль-ноль, – спокойно сказал Мэл.

Антон уже был рядом с Сашей и видел, как закатившиеся было глаза вернулись на место. Антон протянул руку, но Саша поднялся без его помощи, хотя и с трудом. Выпрямился; носком кроссовка отшвырнул камень с поля. Осторожно потрогал затылок.

– Не стой! – раздраженно бросил Антону. – Играй...

Антон удивленно обернулся на Мэла.

– Играй, Антоша, – мягко сказал тот. – Ничего страшного.

Антон оглядывался, ища взгляды товарищей по команде. Кто-то отворачивался. Кто-то ухмылялся.

Мяч снова был в игре. Команда противников почти сразу

провела удачную комбинацию, выведя на бросок одного из Славиков, но тот промахнулся.

Игра есть игра; сквозь потрясение и сквозь звон в ушах к Антону понемногу возвращалось ощущение поля, мяча, команды. Он начинал понимать Вову, мысленно достраивать победную комбинацию; он ввязался в борьбу за мяч, отобрал и отдал точную передачу Косте, получил ответную передачу и тут же отдал мяч Вова. Вова снова пошел в прорыв, ему удалось-таки увлечь за собой Антонова защитника, Антон открылся, Вова отдал пас, и Антон впервые с начал игры ощутил настоящий кураж. Рванул, чтобы заколотить мяч сверху...

Он успел увидеть, что мяч в кольце. И тут же – с опозданием – пришла боль; из Антонова плеча торчал маленький дротик, похожий на швейную иголку с головкой, одетой в шелковый парик.

Преодолевая темноту перед глазами, Антон вырвал иглу. Крови было немного, и она тут же запеклась.

Кто-то аплодировал. Мяч, только что побывавший в кольце, укатился за поле.

– Два-ноль, – удовлетворенно сказал Мэл. – Блестяще, Тоша.

Антон растеряно огляделся.

– Играй, – быстро сказал Вова.

Антон непонимающе взглянул на Мэла.

– Хватит помнить об этой царапине, – сказал Мэл. – Ты

же забросил! Мы ведем два-ноль. Давай закрепим преимущество?

Игра началась снова, но Антон уже не понимал ее. Был наблюдателем. Видел, как «желтые» рвутся к кольцу, какое ожесточенное сопротивление оказывают «зеленые»; видел, как Вова орет на Игоря. Видел, как Олег идет в атаку, выпрыгивает на линии штрафных для броска – но вместо того, чтобы атаковать корзину, дает красивую передачу Саше, который к тому времени освободился от опеки. Саша взметнулся над кольцом – в эту секунду железный шарик, подшипник от какого-нибудь гигантского колеса, ударил его в висок.

Мяч прокатился по ободу корзины – но внутрь так и не попал, свалился снаружи; кто-то – Людовик! – разочарованно выругался.

– По-прежнему два-ноль, – удовлетворенно сообщил Мэл.

Саша поднялся с подмерзшего снега. Слепо огляделся. Скользнул взглядом по Антону, но не увидел его.

– И снова мяч в игру, – сказал Мэл. – Что с тобой, Тоша?

Антон молчал. Смотрел, как Саша бредет по площадке – по-прежнему вслепую. Как будто перед глазами у него до сих пор темно.

– Что с тобой, Антон? Идет игра...

– Но я так не могу, – сказал Антон.

Людовик усмехнулся. Резко запрокинул голову, водворяя на место очочки. Тряхнул длинными тусклыми волосами.

Мэл поднял брови:

– А через «не могу»? Как тебе мама в детстве говорила, когда ты отказывался от каши?

Слово «мама» было, как скрип железа по стеклу. Антон дернулся; Мэл кротко улыбался и смотрел ему в глаза.

Тогда Антону – снова – захотелось спрятаться. И от этого взгляда, и от слова «мама», и от всего. Он подобрал мяч; где-то внутри его крепло знание, что спрятаться можно в игре. Ему захотелось забросить оранжевый шар в кольцо – захотелось с такой силой, как хочется иногда почесать зудящий комариный укус.

Вперед. Стук мяча о мерзлый снег. Вова понял его сразу же – отличный он разыгрывающий, Вова. Передача, еще передача, обманное движение; рывок, обводка, прыжок...

Что-то ударило Антона сзади. Он споткнулся и упал, растянувшись на снегу; он не чувствовал тела и не мог видеть своей спины, но откуда-то знал, что прямо из середины ее торчит сейчас рукоятка тяжелого метательного ножа, что это конец, что это несправедливо, и подло, однако жестокая игра наконец-то закончена...

– Четыре-ноль, – донеслось издалека и сверху.

– Это только начало, – донеслось в ответ.

– Хорошее начало... Ты видишь, Лю, я был прав.

– Продолжаем...

– Продолжаем...

– ...аем...

Антон закрыл глаза, ожидая, пока назойливое эхо в ушах

не стихнет совсем. Пока не настанет окончательная тишина.

– Что ты разлегся? – носок ботинка несильно ткнул его под ребра. – Вставай...

И Антон почувствовал, как из спины у него – вжжик! – с усилием выдернули нож.

– Вставай-вставай... Поднимайся.

Его взяли за майку и потянули вверх; он понял, что снова может двигать руками и ногами. Что спина глухо болит, будто по ней ударили сгоряча древком лопаты. Был такой случай когда-то в деревне, сосед очень обиделся за обобранное вишневое дерево и...

Деревня? Сосед?

Он встал на четвереньки. Потом сел на корточки; Людовик стоял рядом, вытирал нож о штанину, насмешливые, но не злые глаза поблескивали из-под мутных стекол:

– Удачно тебя Мэл подобрал... Упрямый ты. Играем дальше?

– Сейчас? – тихо спросил Антон. И сам услышал, каким жалобным получился вопрос.

– Ну что, пусть отдохнет? – донесся откуда-то издалека голос Мэла.

Антон через силу выпрямился.

– Ладно, – усмехнулся Людовик. – Ступайте, ребята, в душевую.

Стены душевой были облицованы белой кафельной плиткой. Кое-где вместо выпавших кафельных квадратов темнели пустые бетонные четырехугольники; на потолке набрякали тяжелые капли, а из душа – пластмассового распылителя на высокой никелированной трубе – широким веером хлестала горячая, очень горячая вода. Антон попытался покрутить вентиль – тщетно; температура воды не регулировалась.

Ребята стояли, запрокинув головы, подставив лбы обжигающим потокам. Сейчас на них не было футболок, и Антон не мог различить, где свои, а где чужие. Где игроки Мэла, а где – Людовика.

Душевая была просторная. Кранов хватало на всех. Случайно – или не случайно – Антон выбрал себе душ напротив кабинки Саши.

Из всех этих ребят Саша, соперник, был ему ближе всего. Может быть, потому что именно Саша был первым, кого он встретил?

– Становись под струю сразу, – сказал Саша, глядя, как Антон пытается остудить воду в ладонях. – Привыкнешь. Это все-таки не кипяток.

– Да? – неуверенно спросил Антон.

– Послушай меня, – сказал Саша. – Иди сразу под душ.

Антон послушался. В первую минуту было нестерпимо,

но потом – очень быстро – он действительно привык. Только морщился.

– Ты – почему? – спросил Саша, глядя в сырой потолок. Щеки его были очень бледными для человека, стоящего под горячей водой.

Антон решил промолчать.

– Я в армии, – сказал Саша. – Меня эти козлы... Ну, не важно. Короче говоря, я в армии, а ты? Тоже?

– Я в армии не был, – сказал Антон. – Я в институт...

– Так ты на гражданке? – удивился Саша. – А с чего?

Антон сделал вид, что не слышит.

– Я думал, что мне будет как бы послабление, – задумчиво сказал Саша. – Через этих козлов. Оказалось – ни фига. Просто мне повезло, что Людовик искал баскетболиста. А то загремел бы на общих основаниях...

– Как это – на общих основаниях? – спросил Антон.

Саша поежился под горячим душем:

– Хрен его знает. Я думаю, что это хуже, чем здесь... Сильно хуже. Тот парень, который играл с Мэлом раньше – он теперь на общих основаниях.

– Ты меня почему сукой обзывал? – спросил Антон.

Саша покосился недобро:

– А ты не понял, с понтом дела... Если бы ты так дальше играл, как в первые десять минут – тебя бы уже здесь не было. Было бы тебе совсем другое.

Хлестала из душей вода. Лаково поблескивала кафельная

плитка.

– А тебе-то что? – спросил Антон.

Саша вздохнул:

– Люди друг друга поддерживать должны...

Рядом переговаривались другие ребята. Их голоса странно, по-птичьи звучали под мокрыми сводами.

– Да, – сказал Антон, чтобы прервать молчание.

– Вот прикинь, – сказал Саша, потирая ладонями плечи. – Если бы даже кто-то из тех козлов здесь вот оказался... Я бы и то ему добра желал. Вот честно.

– А что тот парень сделал? – тихо спросил Антон. – Который на моем месте играл?

– Филонил, – нехотя сказал Саша. – А может, не филонил. Может, характер такой. И он ведь мастер был, международного класса... Мэл сказал, что он игру не любил. Игру любить – это значит... Вот ты сегодня дважды забросил. А я лопухнулся два раза. Еще пару раз лопухнусь – и тоже на общих основаниях пойду...

– Нет, – быстро сказал Антон.

Саша пожал плечами:

– Нет... Потому что в следующий раз я не лопухнусь.

– Как можно любить эту игру? – шепотом спросил Антон.

Саша невесело усмехнулся:

– Игра – она игра и есть... Я со школы в баскетболе. С первого класса. Так, думал, и буду всю жизнь в баскетболе... А вот с армией... Я в команде ЦСКА не удержался... тренер

там был один, скотина. И пустили меня... тоже на общих основаниях, – Саша вздохнул. – Вот... А ты, если рассказывать не хочешь – так я же не пристаю. Я так просто... Поговорить.

Антон выгнулся, пытаясь дотянуться до середины спины. До того места, куда вошел нож; ничего не было. На ощупь – совершенно гладкая кожа.

– Это поначалу жутко, – сказал Саша. – А потом – ничего... Втягиваешься. Главное – ни о чем не думать. Вот Вовка ваш. У Мэла нападающие меняются, как у младенца памперсы... А Вовка держится. И ты держись...

Журчала вода.

– Что сейчас? – спросил Антон.

– Играть.

– Снова? А...

– Времени-то нет, – сказал Саша как-то очень печально. – Самое неприятное... времени здесь нет. Ни утра, ни ночи... Ничего. Площадка и душ. И все. И, если Людовик позволит – посидеть в тенечке... Но тебе надо у Мэла спрашиваться. А он, по-моему, злее.

Антон вспомнил, как Людовик вытирал нож о штанину. Мэл – злее?

* * *

Он помнил зеленый двор под ногами, скрип жестяного козырька, угрюмую решимость кого-то за что-то наказать.

Себя? Ленку? Маму?

Весь последний месяц он находил и выписывал в блокнот изречения великих и просто известных. О том, что события имеют свойство развиваться от плохого к худшему, что если неприятность может произойти – она обязательно происходит, о том, что единственный свободный выбор в этой рабочей жизни – отказ от нее.

Он помнил момент толчка. Он даже полет немного помнил. Секунда, замирание, и кровь в жилах превратилась, кажется, в холодец...

И он знал, что было потом. Он очень многое откуда-то знал.

Мама вернулась с работы, вымыла руки и стала готовить ужин. На столе в кухне стоял маленький телевизор, там крутили сериал...

Телефонный звонок зазвонил одновременно на экране – и в прихожей.

Мама вытерла руку о полотенце и подняла трубку.

И голос, незнакомый и официальный, спросил ее, она ли такая-то.

И тогда она все поняла.

* * *

...Саша и в самом деле забросил – красиво завершил атаку зеленых маек.

И тут же упал, потому что в шее у него сидела короткая стрела с черным оперением.

– Ее выдергивать трудно, – сказал кто-то, кажется, Олег.

Выдернули. Из маленькой дырочки выкатилась большая капля крови, сползла вниз, оставляя вокруг шеи лаковую спиральную дорожку. Докатилась до ложбинки между ключицами, остановилась; Саша вытер шею тыльной стороной ладони. Не стер – размазал.

Вова с Антоном провели несколько комбинаций, но безрезультатно.

– Тебе в бросках надо тренироваться, – в сердцах выговаривал Вова. – А то комбинируй – не комбинируй, а результативность никакая... Команду подводишь!

Людовик был доволен, покачивал острым носком ботинка. Мэл грыз соломинку.

Антон устал. Мышцы повиновались, и ноги были легкие, будто на разминке – тем не менее внутри он устал смертельно. Сверху палило невидимое солнце, под ногами поблескивал оледеневший снег, оранжевой молнией метался перед глазами яркий пупырчатый мяч. Вова что-то говорил – Антон понимал с пятого на десятое.

– Тоша, – позвал Мэл. – Подойди сюда...

Антон подошел. Тень забора упала на лицо – на мгновение сделалось легче.

– Тоша, – сказал Мэл. – Я ведь на тебя рассчитываю. Возьми себя в руки, а то, гляди, у меня уже двое кандидатов на

твое место в заначке... Понял?

– Мне бы отдохнуть, – выговорил Антон.

– Не нужно тебе отдыхать... Ты в прекрасной физической форме. Или ты играешь сейчас – или отправляешься, куда следует... Понял?

Антон молча кивнул. Вернулся на площадку; перед ним расступились.

– Играй, – сказал Саша умоляюще. – Там – хуже. Поверь.

* * *

Утра не было. Не было ночи. Никто не ложился спать. Антон только теперь понял, что это такое – быть без времени.

Может быть, они играли день. А может, неделю. А может, год. Мышцы не уставали – не выдерживали нервы. Игра делалась все напряженнее; фол следовал за фолом, штрафной за штрафным. Противники, прежде более чем лояльные друг к другу, теперь чуть что сыпали оскорблениями и даже норовили ударить. Счет был тысяча двести шестьдесят четыре – тысяча двести шестьдесят в пользу команды Мэла. Антон набрал девятьсот двадцать шесть очков и сделал четыреста пять «подборов».

Кажется, Людовик и Мэл тоже поддались азарту. И тоже повздорили; они сидели, не глядя друг на друга, и с каждым броском все стремительнее разворачивали «гонку вооружений».

Антон получал сперва камнем по затылку. Потом дротиком в шею. Потом ножом в спину. Потом стрелой в сонную артерию. Потом во время его броска раздался выстрел; мяч прокатился по кольцу и не попал в корзину. Пока Антон лежал на снегу с пулей в пояснице, Мэл и Людовик устроили тихое разбирательство: Мэл утверждал, что соперник выстрелил не в момент броска, а раньше, а Людовик предлагал ему проигрывать с достоинством.

В отместку Мэл тоже начал стрелять игроков Людовика, причем калибр у него был будто для охоты на слона. Атакующего Олега он убил раз сто, а Сашу – двести семнадцать раз, причем последним выстрелом размозжил Саше голову, и тот минуты три лежал под кольцом, прежде чем сумел подняться.

– Разобрали игровочков! – орал Вова.

– Не тормози! На скорости! – кричал Саша.

Счет был тысяча триста девяносто шесть – тысяча триста девяносто восемь в пользу команды Людовика, когда Мэл вытащил огнемёт...

* * *

С потолка срывались капли – тяжелые и прозрачные, и очень холодные в сравнении с остальной водой.

Пар сгустился. Казалось, что смотришь на мир сквозь школьную промокашку.

На Сашинем теле не осталось уже ни следа копоты, а он все тер и тер бока, плечи, спину. Лицо. Коротко стриженные волосы.

– ...А бывает, стыдно признаться, – говорил Вова. – Стыдно признаться людям, какую подлость совершил...

– Глупость, – поправил, поморщившись, Олег.

– Подлость, – хрипло отозвался Саша. – Правильно Вован говорит.

– А я детдомовец, – надменно бросил Олег. – Кому я нужен?

– У тебя дети могли быть, – укоризненно сказал Саша.

– А могли и не быть, – огрызнулся Олег. – Это вы, у кого мать там, отец, кто из-за жвачки повесился – вы дураки. А мне другой дороги не было... Так и так пришили бы...

– Ты бы рот заткнул... Кто, ты сказал, из-за жвачки повесился?!

Антон потихоньку отошел в сторону. Отвернулся лицом к стене.

Горячая вода хлестала по макушке.

* * *

...Не в один день. Медленно. Долгие месяцы.

Тогда еще было время.

Уже полгода прошло с тех пор, как Ленка вышла замуж. Ее живот был как огромный баскетбольный мяч. Злые языки

говорили, что свадьба случилась «по залету», и уговаривали Антона «не переживать». Потому как «невеликое сокровище».

Антон слушал. Не кивал, но и не спорил. Только потом, вернувшись домой, долго мыл руки, уши, тер мылом щеки.

Кожа на лице скоро стала шелушиться. Мама купила ему крем.

Мама смотрела бесконечные нудные сериалы.

Он уходил на школьную спортплощадку и играл. Сам с собой. До остервенения. Забрасывал мячи в лысое, без сетки, кольцо. Колотил об асфальт. В темноте. Вслепую. Играл.

– Ты понимаешь, что если вылетишь из института, тебя сразу загребут в армию?!

Он послушно ходил на лекции. Ничего не понимал. Сидел, как болванчик.

Над ним смеялись – из-за роста. Звали «кишкой», «шпалой», да ну, всех баскетболистов дразнят одинаково...

В глубине стола хранились их с Ленкой фотографии – он их не выбросил. Идиот.

Ему надоели мамины упреки. Ему надоели сериалы. Он понимал, что сессию не сдаст.

У него не было ни одного друга.

Он был лишний.

А мама в тот день приготовила ему бутерброд с маслом и сыром. Заварила чай в маленьком термосе. И положила яблоко.

Он не знал об этом. Он не открывал сумку. Он только теперь об этом знал.

Если бы он открыл сумку – это яблоко удержало бы его.

* * *

– Мэл...

– Да?

Антон понял, что не сможет сказать приготовленную фразу. Глаза у Мэла были темно-зеленые, вязкие, а кроссовки белые, как яичная скорлупа.

– Я сожалею, – выговорил Антон. – Я раскаиваюсь.

– В том, что плохо играл?

– Нет... В том, что я...

И замолчал.

– Ну и? – Мэл чуть заметно подмигнул.

– Я мерзавец! – почти выкрикнул Антон. – Я предатель...

– И что? – Мэл усмехнулся.

Антон молчал.

– Не имеет значения, – сказал Мэл. – Я тебе не судья. Теперь у тебя одна задача и одна мысль в голове: как бы забросить мяч в корзину. Это единственное утешение, которое я могу тебе предложить... И будь доволен: другим и такое утешение недоступно.

Смысл его слов дошел до Антона много позже.

Игровое поле было местом, заменяющим жизнь, а душевая – аналогом смерти. Символом отчаяния.

Во время игры он думал только о мяче. Только о том, как избавиться от защитника-опекуна и «предложить» себя разыгрывающему. Как точнее сделать передачу. Как обвести. Как отобрать. Как забросить.

Будничная гибель, подстерегающая его в момент результативного броска, перестала пугать. Только огнемёт по-прежнему вызывал ужас, но огнемётами и Людовик, и Мэл пользовались в исключительных случаях. На глазах Антона однажды сожгли Сашу и однажды – Вову. Сам он подобной участи до сих пор избегал.

Зато в душевой он всегда помнил, что случилось. В душевой он всегда думал о маме и о красном яблоке на дне спортивной сумки. Стоял лицом к мокрому кафелю, слушал, как переговариваются ребята в соседних кабинках, видел зелёный двор под ногами – и мамино лицо, когда она узнала.

Ленка почти не вспоминалась.

Она, наверное, уже родила. А может быть, прошёл только один день... А может быть, сто лет. И там нет уже никого, кто его знал. И, значит, мама уже свободна от...

А может быть, это навечно.

– Слушай, Сашка...

– Чего?

– А что эти козлы, в армии... что они с тобой делали?

– Отстань, – Саша сразу отдалился, насупился и поскуцунел.

– Ты понимаешь, – сказал Антон, глотая горячую воду. – Меня ведь никто... Я из тех, кто «из-за жвачки повесился». Только я не вешался. Я...

– Мало ли, – сказал Саша. – Вон Славка-младший тоже. У него папаша был бизнесмен. Славка в Англии, в колледже... так ему надоело. Выбрал, понимаешь, свободу. И ты выбрал свободу. Ну и я тут, вместе с вами. Через этих козлов.

– А у тебя мама осталась?

Саша посмотрел вверх, не жмурясь под струями воды, как будто глаза его были стеклянные:

– Хоть бы справедливость была... А так – никакой справедливости. Людовик меня поменяет, если только что... Я ему говорил – вы же все про меня знаете. Я ж не с жиру, а от отчаяния... А он говорит – ну и что.

* * *

– Что с тобой, Тоша?

Антон молчал.

Вот уже вторую игру он откровенно саботировал. Ронял мяч. Промахивался из выгоднейших положений. Равнодуш-

но следил за игрой, ходил по площадке пешком, будто сторонний наблюдатель.

– Что с тобой, ты перехотел играть? Надоело? Готов расстаться с ребятами – и со мной?

– Да, – сказал Антон.

– Что?!

– Я готов пойти на общих основаниях, – выговорил Антон, глядя Мэлу поверх головы. – Это было бы справедливо.

Мэл помолчал. Взял Антона за плечо; его прикосновение было, как ласка гигантского богомола:

– Ты что-то знаешь о справедливости? Поделись со мной. Я вот не знаю.

* * *

– Это Данилка, – сказал Людовик. – Отлично играет в нападении. Прошу любить и жаловать... Антон, можно тебя попросить размяться с Данилом один на один?

Парень был двухметровый и очень молодой. Лет шестнадцати, не больше. Насупленный. Напряженный, но не испуганный. В хорошей футболке от известной фирмы.

– Давай, – Мэл бросил Антону мяч. И пока мяч летел – Антон успел понять, что Сашу больше не увидит.

«Что ты знаешь о справедливости?»

Почему – Саша?!

Он, Антон, добровольно отказался от поблажки. А Саша

– тот всегда боялся пойти на общих основаниях...

«Людовик меня поменяет, если только что...»

И вот он, Антон, играет с каким-то Данилкой.

...Этот подросток был решителен и самоуверен. И он был на полголовы выше Антона; игра шла по кругу: Данил прижимал Антона к линии, мяч выходил в аут. И снова: Данил прижимал Антона к линии...

– Хорошо, – сказал Людовик. – Мэл, Антон, обождите меня недолго.

И ушел за забор – вместе с Данилом.

– Менять будет, – сказал Мэл.

– Что? – не понял Антон.

– Этот не годится.

– А чем ему не угодил Саша?!

Мэл пожал плечами:

– Ведь это он себе выбирает игроков, а не я и не ты...

Правда?

И в ту же секунду появился Людовик с другим парнем – это был ровесник Антона, затравленный, мосластый, в поношенной флотской тельняшке.

* * *

Когда счет в новой игре сделался две тысячи сто восемь – две тысячи девяносто в пользу команды Мэла, Людовик отложил армейский автомат. Антон еще не видел огнемета –

но знал, что он непременно появится; он знал это – но все равно рванулся к кольцу. Зная, что заколотит.

Мяч был оранжевый, а огонь – белый. Если смотреть изнутри. Белый с тонкими черными веточками, похожими на кровеносные сосуды. И Антон бежал и горел – долго, несколько длинных секунд.

В огне сворачивались листья каштана. И листы чьих-то писем – детский почерк; и оплывали, будто льдинки, цветные и черно-белые фотографии...

Они с Ленкой на море. С «сувенирным» видом за плечами. Ленка улыбается и обнимает Антона за шею.

Ленка в тонком халатике на мокрое тело.

Ленка...

«Мама! Забери ты меня из этого лагеря. Тут скучно, в девять вечера спать, и все время дождь. И вожатый противный. Я жду тебя в воскресенье...»

Когда Антон смог открыть глаза, в воздухе все еще пахло паленым. И ноги в кроссовках стояли кругом – в серых и синих кроссовках; потом блеснула будто яичная скорлупа, и белые, как пароход в далеком море, большие тяжелые кроссовки выплыли откуда-то и остановились у Антона перед глазами.

– Вставай, – сказал Мэл.

Копоть была всюду. И – запах.

– Теперь ты имеешь представление о месте, куда так просился, – сказал Мэл Антону на ухо. – Поэтому соберись и

играй дальше.

* * *

Вода стекала в забранную решеткой дыру посреди душевой. Ребята говорили вполголоса и косились на Антона с опаской. Новенький – его звали Кирилл – сидел на корточках, обхватив руками стриженую голову.

Вода была черной. Копоть никак не желала отмываться.

* * *

– Мэл...

– Да?

– Я ведь не могу ничего исправить... Ничего вернуть. Ведь не могу?

Мэл хмыкнул:

– Ты хочешь, чтобы я тебя утешал?

– Нет, – сказал Антон. – Я просто спросил. Я подумал... Ведь трудно забросить мяч под огнеметом, правда?

– Трудно, – согласился Мэл.

Антон отвел глаза. Посмотрел на свои руки. Ладони были серые как пепел.

– А что, если кто-то сделает? Это? Забросит в огне?

Мэл некоторое время его разглядывал, а потом вдруг рас-

хохотался:

– Ты хочешь торговаться, что ли? Нет, я тебя правильно понял? Ты хочешь заключить договор?

У него были ровные острые зубы. Большая слива на футболке переливалась всеми оттенками синего.

* * *

Счет был пять тысяч сто тридцать шесть на пять тысяч двести в пользу команды Мэла. Новичок Кирилл был очень хорош в игре, но слаб психологически. Всякий раз, когда в спину ему ударяла автоматная очередь, он умирал всерьез и надолго; его приходилось едва ли не силой поднимать с подмерзшего снега и пощечинами приводить в чувство. И долгие минуты после этого Кирилл мыкался по площадке, будто слепой котенок; команда Людовика теряла очки, и Антон знал, что скоро придет очередь огнемета.

Пришла.

Антон выпрыгнул с линии штрафной – и увидел Вову, который рвался к кольцу и был совершенно открыт. И Антон паснул, и Вова обязательно заколотил бы, если бы тонкая огненная струя, прицельно выпущенная Людовиком, не превратила его в пляшущий факел.

Мяч ушел в аут.

Новичок Кирилл сел на снег.

Антон подошел к черной кукле, которая еще секунду на-

зад была Вовой, и которая через секунду снова станет Вовой, грязным и отвратительно пахнущим.

– Моя очередь, – сказал Антон угрюмо. – Вытащишь на себя меньшего Славика и паснешь мне... Понял?

И Вова кивнул.

* * *

...Внизу был зеленый двор. Большие каштаны. Машины у соседнего подъезда. Провода.

Скрежетал жестяной козырек.

Приглашающе покачивались кроны. Мягкими струями изгибались облака, звали полетать...

Опрометью, как нашкодивший кот, он кинулся прочь от края крыши. Спотыкаясь, путаясь в какой-то проволоке, налетая на антенны, снося все на своем пути – прочь, на лестницу, в полумрак.

Шестнадцатый этаж. Пятнадцатый. Четырнадцатый...

Кто-то отшатнулся с дороги:

– Ты чо, сдурел?

(Огонь мешал и думать, и видеть. Мяч был белый. Все было снежно-белое. Пальцы уже лопнули, обуглились, но глаза еще видели белый-белый свет этого последнего огня.

Пламя было плотное, будто желе. Белое с черными прожилками.

Антон успел увидеть, как над кольцом со сгоревшей сет-

кой...

К тому моменту его уже не было, он сам уже почти сгорел...

Опускается большой, неправильной формы мяч, будто голова снежной бабы...

Катится по краю кольца – и валится внутрь...)

Он выбежал на этот незнакомый двор, под это незнакомое солнце, под взгляды незнакомых старушек. Тех старушек, которым так и не пришлось стать свидетелями его полета...

(Огонь...)

Его провожали прокручиваниями пальцев у виска; он бежал по тротуару, задевая прохожих, кинулся к телефону-автомату, но не смог набрать номер и бросился бежать дальше...

(Зеленый двор под ногами. Скрип жестяного козырька...)

Вот дом.

Вот этаж.

Вот дверь.

Сейчас откроют.

– Мама!..

* * *

Стены душевой были облицованы белой кафельной плиткой. Кое-где вместо выпавших кафельных квадратов темне-

ли пустые бетонные четырехугольники. На потолке набрякали тяжелые капли, а из душа хлестала широким веером горячая, очень горячая вода.

Волосы





Газетенка, где Егор работал одновременно редактором, корректором и верстальщиком, долго болела, задерживала тираж, зажимала зарплату, морочила голову – и наконец развалилась, задолжав Егору денег за три рабочих месяца. Таким образом накануне свадьбы (а о свадьбе они с Олей решили давно и окончательно) он оказался безденежным, безработным и печальным.

Разумеется, он тут же взялся искать новую работу. Все знакомые уверяли, что с его-то разнообразными умениями устроиться будет проще простого – однако хорошие места были уже заняты, а плохие (крохотная зарплатка плюс двести сорок дурацких обязанностей) Егора не устраивали.

Свадьба откладывалась. Что это за свадьба – студентка и безработный? Олины родители роптали.

И Егор уже смирился с необходимостью устраиваться на плохую работу, когда во время очередного обзвона по газетным объявлениям ему ни с того ни с сего назначили собеседование. И он поплелся, заранее зная, что ничего из этой затеи не выйдет, потому что вакантное место предполагалось не просто хорошее – оно было на диво хорошо, а значит, и занять его предстояло чьему-нибудь другу или родственни-

ку.

– Вы нас устраиваете, – сказала нестарая ухоженная женщина, одаривая Егора холодной менеджерской улыбкой. – Можете хоть сегодня приносить трудовую книжку.

Он так обрадовался, что даже растерялся. Денег, которые эта фирма собиралась ему платить, хватило бы не просто на свадьбу – на медовый месяц где-нибудь в теплых краях.

– Работа у нас напряженная, так что постарайтесь не болеть, – сказала менеджерша уже без улыбки. – То же касается опозданий... Кстати, у вас есть костюм? Наш шеф не терпит неряшества, никаких свитеров и джинсов на работе... Это не очень вас напряжет? И еще одно, – она поиграла изящной зажигалкой. – Все сотрудники нашей фирмы посещают одну и ту же парикмахерскую, одного и того же мастера – бесплатно, – тут она снова улыбнулась, но на этот раз тепло и даже по-заговорщицки. – Видите ли... Шеф – классный специалист, отличный руководитель. Но он просто помешан на стиле. Стиль должен быть во всем, от шнурков и до прически. И поэтому у фирмы заключен договор с хорошей парикмахерской – мы платим за обслуживание наших сотрудников. Это очень удобно, вы не находите?

* * *

И Егор подписал договор.

Костюм в шкафу у него имелся – моль его, по счастью,

поощадила. Оля сама выбрала и подарила Егору его первый в жизни галстук; известие, что Егор теперь сотрудник столь приличной и щедрой фирмы, привело ее в состояние легкой эйфории.

– Ну я же говорила, что ты гений! – говорила она, танцуя по комнате.

– Ну я же говорила, что все получится! – говорила она, отглаживая Егоровы брюки.

– Ну ты просто супер! – бормотала она, поправляя ему воротничок. – Элегантный, как пингвин в Антарктиде!

В воскресенье вечером они вдвоем отправились в парикмахерскую – ту самую, где Егора должны были бесплатно обслужить. В пустом светлом зальчике их встретил сухонький, совершенно лысый парикмахер лет шестидесяти с лишним:

– Егор... как вы сказали? Заваров? Есть такое дело, новый сотрудник «Пан-Вавилона»... А вы, девушка? Просто так? Ну что ж, садитесь, Егор, выберем вам что-нибудь стильное...

Минут через пятьдесят они вышли из парикмахерской, напоенные чаем и, в общем-то, довольные. Егор раздувал ноздри от непривычных парфюмерных запахов; Оля мечтала о свадьбе. О том, что медовый месяц – или хотя бы медовую неделю – надо будет подгадать под рождественские каникулы...

В понедельник Егор приступил к работе на новом месте – в девять ноль-ноль, минута в минуту.

Первую зарплату они с Олей отметили в кафе. Пили шампанское. Много смеялись. Много мечтали.

Провожая Олю домой, Егор взял такси. И, катясь по ночным улицам, вдруг увидел, как прекрасен ночной город. Как много в нем праздничных витрин, цветных огней рекламы, красивых машин и респектабельных прохожих.

И на том его открытия не закончились.

Каждый день работы в филиале «Пан-Вавилон» оборачивался открытием. Ни в одной конторе, ни в одной фирме – а их на Егоровом счету было не так уж мало – ему не доводилось видеть таких теплых, искренних отношений между сотрудниками. Поначалу Егору казалось, что так быть не может, что он просто чего-то не замечает – но сколько он ни пытался разглядеть в ежеутренних приветствиях, объятиях и рукопожатиях тень лицемерия, вранья и нелюбви, ему ни разу не удавалось этого сделать.

Каждый стол был «обжит» – фотографии, календари с котятками и скачущими лошадьми, сувенирные статуэтки, беззлобные карикатуры на шефа, домашние тапочки под столом (их надевали только сидя, чтобы никто не видел). Женщины являлись на работу на высоченных каблуках, мужчины – непременно при галстуках, но на этом официоз и заканчивался; обращались друг к другу в основном на «ты», дни

рождения праздновали вместе, причем поздравления никогда не были формальными – всякий раз с душой и выдумкой, как в хорошей семье. По воскресениям устраивали пикники, выезжали на футбол, и шеф не отставал от прочих ни в розыгрыше мяча, ни в намазывании бутербродов; у шефа была жена и двое сыновей, но за два месяца работы Егор видел их лишь однажды.

Прочие работники фирмы обходились без семей, и это поначалу встревожило Егора – однако ему объяснили, что шеф вовсе не против женитьбы, детей и всего прочего. Просто сотрудники «Пан-Вавилона» в большинстве своем еще молоды и увлечены карьерой.

Фирма выпускала модный глянцевоый журнал, но этим ее деятельность не ограничивалась. Чередой шли какие-то проекты, контракты, пакеты; Егор просиживал за компьютером дни напролет, у него не оставалось времени даже на перекур – потому он, прежде не раз бросавший курить, вдруг отказался от сигареты легко и как бы незаметно.

– Ну ты даешь, – сказала Оля и тоже попыталась бросить, но безрезультатно.

Теперь они виделись реже. Работа отнимала у Егора слишком много времени, но оба знали, что вынужденная разлука – ненадолго: заявление в ЗАГС было подано, и приготовления к свадьбе шли полным ходом.

Раз в две недели – Егор привык уже – он навещал лысого парикмахера, и тот приводил его волосы в состояние «люкс».

Егору казалось, что новая прическа всякий раз наполняет его новой энергией; так или иначе, в транспорте ему все чаще улыбались совершенно незнакомые девушки.

– Что значит сменить имидж! – говорили старые знакомые, уважительно покачивая головами.

Кажется, Оля даже ревновала. Пыталась даже покритиковать Егорову прическу – то слишком коротко, то слишком по-пижонски...

Егор купил себе два новых костюма и каждое утро задумывался перед зеркалом: какой из дюжины галстуков выбрать?

* * *

– Скачай мне реферат из Интернета, – попросила однажды Оля.

Егор не сразу понял, чего она хочет.

– Ну, реферат, – повторила Оля. – С рефератного сайта.

– Но это же рабочий компьютер, – пробормотал Егор, которому было ужасно стыдно – за Олю, которой пришла в голову такая неудачная мысль. – Я не могу для себя... Это рабочий комп... А кроме того – что ты, разве сама не можешь написать реферат?

Оля посмотрела на него, как на инопланетянина. Захлопала ресницами:

– Я не думала... честно говоря... нет, пожалуйста, раз у

тебя за спиной стоят и смотрят, что ты делаешь – тогда не надо никаких рефератов... Я другое место найду, где скачать... Но я думала...

– Никто у меня за спиной не стоит, – сказал Егор, уязвленный. – Просто не принято это! Некрасиво, понимаешь?

* * *

Подготовка к свадьбе шла своим чередом, но отношения у жениха и невесты разладились. Егор честно пытался разобраться в Олиных обидах; их накапливалось с каждым днем все больше, Егору все труднее было сдерживать раздражение. Например, его бесило, когда Оля звонила к нему на работу – а ее обижало, как это он посреди рабочего дня не хочет с ней разговаривать.

Однажды – дело было в воскресенье вечером – состоялся наконец длинный, неприятный разговор, после которого Оля ушла в слезах и просила не провожать ее. Егор побрел, куда глаза глядят; Олины упреки торчали из него, как иглы из швейной подушечки.

Она говорила, что он изменился. Как по нему, то изменилась-то как раз она; она говорила, что он ничего не видит вокруг и думает только о себе – а сама-то хоть раз пыталась о нем подумать? Понять его?

Как-то само собой было ясно, что свадьба откладывается на неопределенный срок, а то и отменяется вовсе. Это

при том, что уже куплено подвенечное платье и приглашены Олины друзья-подружки...

Он зашел в кафе. Выпил коньяка; потом зашел в павильон с игровыми автоматами и проиграл кучу денег. Потом увидел допоздна работающую парикмахерскую и вспомнил, что завтра на работу, а прическа потеряла уже любимую шефом «стильность». Порадовал своим визитом сонную парикмахершу, отыскал в каталоге ту самую стрижку, которую обычно делал ему лысый цирюльник, любимец шефа. Ткнул пальцем: вот так, мол.

Дамочка справилась на «отлично». Глядя на себя в зеркало, Егор не смог отличить дамочкину работу от работы штатного шефова парикмахера.

Он расплатился и пошел домой – и позвонил Оле, и попросил прощения, и договорился встретиться с ней завтра – сразу после работы...

* * *

– Егор, можно вас на минутку? – спросил шеф.

Егор насторожился. Никогда прежде шеф не звал его к себе в кабинет. Не было повода.

Шеф кивком попросил секретаршу выйти. Плотно прикрыл дверь; Егор удостоверился, что надвигается неприятность.

– Егор, – негромко сказал шеф, усаживаясь в вертящееся

кожаное кресло, – вы договор подписывали?

– Да, – сказал Егор, тщетно пытаясь сообразить, в чем его прокол.

– А почему вы его нарушаете?

– Я нарушаю? – глупо переспросил Егор.

Шеф наклонился вперед:

– Вы в какой парикмахерской стриглись вчера?

– А, это! – Егор улыбнулся с облегчением, однако под тяжелым взглядом шефа его улыбка быстро истаяла.

– Вам кажется, это забавные мелочи? – сумрачно поинтересовался шеф. – Вам напрасно так кажется. Еще один такой случай – и вы будете уволены, Егор, в тот же день... Имейте в виду.

И кивнул на дверь, не желая слушать оправданий.

* * *

– Шеф ненормальный, – сказал Егор Лике, чей стол помещался напротив. – Ну скажи, чем эта прическа хуже той, обычной?

Рабочий день полчаса как закончился, но сотрудники, казалось, вообще не смотрели на часы. Ни на одном мониторе не бегал рыцарь, не сражались ландскнехты, не переворачивались карты. Все работали – самозабвенно, охотно, азартно.

Егор огляделся. Детские рисунки на стенах, домашние тапочки под столами, полтора десятка людей, увлеченных каж-

дый своей работой – скучной работой, если вдуматься... Рутинной работой. И ведь на больших часах уже без двадцати семь!

– Нормальная прическа, – пробормотала Лика, просматривая чей-то интернет-обзор. – Отстань.

Егор провел ладонью по макушке – и вспомнил, что ровно в шесть часов обещал позвонить Оле.

* * *

– Заварка!

Егор вздрогнул. Школьная кличка, брошенная посреди деловитой толпы у входа в супермаркет, была как бумажный самолетик на капоте БМВ.

Почему он решил, что это именно его позвали?

– Эй, Заварка!

Он оглянулся снова – напротив, отгороженный потоком людей и тележек, стоял Мэлс Иванов. Чей-то фольксваген едва не подталкивал его под зад, тщетно пытаясь объехать толстого Мэлса и выбраться с парковки.

– Тю, – сказал Егор, и это незабвенное междометие тоже было оттуда, из бурного школьного отрочества.

И шагнул навстречу Мэлсу, испытывая противоречивые чувства – они с Ивановым никогда особенно не дружили. С Ивановым никто не дружил; ему даже кличку не придумывали, потому что родное имя у него было под стать самой

хлесткой кличке. Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин.

Правда, иногда Мэлса звали еще «Шаман». Он был до жути косоглаз, но ни капельки не комплексовал по этому поводу. Он носил в портфеле обезьянью лапу (настоящую, засушенную), на уроках читал странные книжки на странном языке, который называл немецким, хотя англичанка (которая и немецкий когда-то учила) уверяла, что тексты в Мэлсовых книжках – полная белиберда, а картинки – просто вызов разуму. Книжки изымались и запирались в недрах учительского стола, но потом странным образом снова оказывались у Мэлса, и он снова читал их – при этом один его глаз смотрел в книгу, а другой, совершенно законопослушный – на доску...

Учителя старались с ним не связываться. Правда, когда Мэлс принес в школу человеческий череп, ему все-таки снизили оценку по поведению.

– Какими судьбами? – спросил Егор и сам устыдился банальности фразы. – Как жизнь молодая? – спросил он снова и устыдился еще сильнее.

Мэлс смотрел на него – и одновременно на фольксваген, который устал маневрировать и жалобно засигналил.

– Женишься? – спросил Мэлс.

Егор растерялся:

– Ну, в некотором роде...

И подумал, что слухи о предстоящей свадьбе могли, в конце концов, дойти и до бывшего одноклассника.

– Пошли ко мне, – ни с того ни с сего предложил Мэлс.

Егор не хотел. Несколько секунд ушло на то, чтобы придумать предлог повесомее; Мэлс вдруг улыбнулся:

– Да не выдумывай... На полчаса зайди, спаивать не буду, я вообще не пью... Жалко тебе?

Егор открыл рот – и закрыл его снова.

– За углом, – Мэлс махнул рукой. – Я квартирку снимаю тут, в двух минутах. Пошли, Заварка. Идем.

И Егор пошел. В Мэлсовой манере приглашать в гости было что-то... не назойливое, но обезоруживающее. Да и в самом деле – почему не зайти на полчаса к однокласснику, с которым не виделся бог знает сколько лет? Интересно ведь – что с ним стало, как живет, чего добился...

Так – или примерно так – уговаривал себя Егор, поднимаясь по узкой, пахнувшей котами лестнице.

Квартирка была примерно такая, как Егор ожидал увидеть. Тесное жилище холостяка, в меру захламленное, в меру обустроенное, с хорошим компьютером на колченогом письменном столе, с новой микроволновкой идохлым тараканом в пепельнице.

Таракана Мэлс вытряхнул в форточку. Кивнул на кресло в углу кухни:

– Присаживайся...

Егор сел – и провалился, провиснув чуть не до пола. Кресло было продавлено до состояния гамака.

– Так женишься?

– Погоди, – пробормотал Егор. – Ты-то как?

Мэлс пожал плечами:

– Я-то хорошо... А ты, Заварка, при галстуке?

– С работы, – сказал Егор.

– Понятно, – Мэлс кивнул. – На свадьбу не напрашиваюсь, не думай.

– Может, и не будет свадьбы, – сказал Егор и сам пожалел, что сказал.

Мэлс не удивился. Не изобразил лицом внимания и сочувствия. Не зацокал языком.

– Может, и не будет, – согласился, буравя Егора левым глазом (правый смотрел на чайник на плите). – Что-то закипает долго... А электрочайник купил, так пробки выбивает. А пробки менять – так проводка здесь хреновая. Вот так.

Егор обескуражено молчал.

– Чего-то нечисто с тобой, – сказал Мэлс, переводя на Егора теперь уже правый глаз. – Какие-то проблемы, Егорка?

Никогда – ни в школе, ни потом – Мэлс не называл Егора по имени.

– Да нет особенных проблем, – сказал Егор нехотя. – Работу хорошую нашел, для души, для кошелька...

– Такое редко бывает, – сказал Мэлс.

– Редко, – согласился Егор.

Молча выпили чай. Потом Мэлс вытащил из нагрудного кармана застиранной ковбойки щегольскую визитную карточку:

– Здесь номер моей мобилки... Если что – так звони, да?

* * *

Волосы быстро отросли. Егор с чистой совестью навестил лысого парикмахера – и, встретив на следующий день шефа, смело посмотрел ему в глаза, и шеф в ответ улыбнулся.

В первую субботу декабря выпал первый хороший снег, и в воскресенье Егорова фирма в полном составе встала на лыжи.

В понедельник Оля позвонила и сказала, что не будет Егоровой женой. Что она ошиблась в нем.

Егор целую ночь бродил по заснеженному городу, а наутро понял, что должен с кем-то поговорить, ну хоть с кем-нибудь. Оказалось, что телефоны прежних знакомых он большей частью позабыл, да и кто из них станет слушать исповедь в пять часов утра, когда даже дворники еще спят? Сослуживцев тревожить неловко, звонить родителям – значит напугать до полусмерти...

В глубине кармана Егор нашел визитку Мэлса и долго вертел ее в руках.

Мэлс взял трубку сразу же. И, не дожидаясь даже «алло», поздоровался:

– Привет, Заварка.

Минут через сорок Егор уже сидел на тесной Мэлсовой кухоньке и пил чай. И молча злился на себя – зачем поддался

минутному порыву? Зачем позвонил, зачем появился? Все-го-то и надо было – выговориться...

Мэлс слушал внимательно. Один его глаз смотрел на собеседника, а другой – в дверной проем за его спиной. Егору то и дело хотелось обернуться.

Посреди Егорового рассказа Мэлс почему-то встал. Включил старую настольную лампу, привинченную к столу. Направил луч света Егору в ухо.

Егор запнулся.

– Ты продолжай, – подбодрил Мэлс. – Я слушаю.

И щелкнул выключателем, отчего маленькая кухня превратилась будто в проекционный зал – полутьма, одинокий луч и тень Егоровой головы на слегка облупившейся стенке.

– Продолжай, – повторил Мэлс задумчиво. – Это я так, развлекаюсь...

И Егор продолжал, а Мэлс смотрел теперь уже не на него, а на его тень. Вытащив откуда-то черный фломастер, он водил по штукатурке, как художник по холсту, но Егору и не надо было, чтобы на него смотрели – ему хотелось, чтобы его слушали...

В семь утра за окнами было темно, как в бочке, но внизу у подъезда звонко и требовательно скребла лопата дворника. Егору вспомнилось, как в детстве он радовался этому звуку – если скребет лопата, значит, ночью выпал снег...

Стена кухни покрылась поверх Егоровой тени узорами черных линий. Странный орнамент, который, впрочем, эту

грязную кухоньку даже украшал.

Печальный рассказ закончился.

– Не ты первый, – философски заметил Мэлс.

Егор почувствовал себя пассажиром купейного вагона. Ночь традиционных «дорожных» откровений прошла, и попутчики больше никогда не встретятся.

– Спасибо за чай, – сказал он, с трудом поднимаясь. Ноги, оказывается, затекли.

Мэлс покивал. Ни один его глаз не глядел сейчас на бывшего одноклассника; Мэлсов взгляд обтекал Егора справа и слева, хозяин кухни думал о своем, и Егора это вполне устраивало.

Он благодарен был Мэлсу, за то, что тот понимал правила игры. «Попутчики» расстаются без сожаления.

* * *

К девяти часам Егор едва дотащился до рабочего стола и всю первую половину дня засыпал перед монитором – но после обеда работа наконец увлекла его, и, засидевшись в офисе до восьми, он с удивлением обнаружил, что разрыв с Олей больше не кажется трагедией. Теперь он сам себе хозяин, может задерживаться на работе хоть до утра и выходные может проводить как хочет и с кем хочет. Жизнь, если вдуматься, существует вовсе не для семейного быта, не для кастрюль и пеленок – и уж, конечно, не для вечного выясне-

ния, кто кого обидел и кто, в конце концов, виноват.

* * *

За зиму Егор ни разу не простудился.

Весной он купил машину – не новый, но в хорошем состоянии «Опель-кадетт». Фирма процветала и вот-вот должна была сменить офис на более просторный и престижный, еще удобнее, еще ближе к центру.

Об Оле он ничего не слышал вот уже три месяца. Может быть, она снова собирается замуж, но на этот раз за другого? Егор сам удивлялся, до чего мало его волнует Олина судьба. Ну надо же было так ошибаться в человеке! Ну надо же быть таким дураком: он чуть было не женился на совершенно чужой ему по духу девушке. До чего легкомысленны люди, а потом еще удивляются, откуда берутся все эти семейные склоки, разделы и разводы...

Егору нравилось быть за рулем. Ему нравилось постоянное женское внимание, которым он был теперь окружен. Ему нравились красивые умные девушки, которых он приглашал в ресторан – и с которыми нередко проводил ночь; среди них немало было начинающих манекенщиц и фотомоделей...

Встречая старых знакомых, он ловил на себе завистливые взгляды. Он выслушивал истории о том, до чего бедна и безрадостна современная жизнь, вежливо улыбался и кивал: да, конечно.

Все они были, как слепые кроты на блестящем балу. Они не видели ни прекрасных отреставрированных зданий, ни отремонтированных улиц, ни витрин, ни выставок, ни потрясающего интернет-проекта, который жил и набирал обороты благодаря Егоровому таланту и труду...

Был май, когда Егор в третий раз встретил Мэлса. Дело было все в том же супермаркете; Егор увидел Мэлса первым и попытался уйти от него, как партизан, прячась за стойками, полками, штабелями и холодильниками. Видеться с «попутчиком» не хотелось.

Но оказалось, что от Мэлса не уйдешь.

– Привет, Заварка... Ого, да ты потолстел!

– Брось, – сказал уязвленный Егор.

– Сидячий образ жизни, – Мэлс хмыкнул. – Горим на работе?

– Ты извини, я спешу, – сказал Егор.

Оба Мэлсовых глаза вдруг перестали блуждать по залу, собрались в единый фокус и остановились на Егоровом лице. Егор даже отшатнулся от неожиданности.

– Куда ты спешишь, Егорка? Кроме телевизора, тебя никто не ждет, а телик и у меня есть...

– Ты извини, – повторил Егор уже раздраженно. – Я...

– Зайди ко мне, – попросил Мэлс очень мягко, доверительно. – На полчаса. Я вот и кекс купил.

На этот раз Мэлс не стал предлагать Егору продавленное кресло. Посреди кухни стоял стул с высокой спинкой, по-видимому, его стащили из какого-то летнего кафе – стул был целиком кованый, железный.

– Ого, – сказал Егор, маясь и ругая себя за уступчивость. Не надо было сюда приходить. Лишнее.

На облупившейся стенке имелся полустершийся рисунок черным фломастером. Черным – и красным. Будто строгий учитель правил неверно нарисованную диаграмму.

– Присядь, – предложил Мэлс и сам опустился на табуретку.

Егор осторожно сел на стул. Железный стул, против ожидания, не опрокинулся.

– Чаю? Кофе? – спросил Мэлс.

– Кофе, – сказал Егор.

Мэлс не двинулся с места. Рассматривал Егора, и круглое лицо его делалось все более мрачным. Егору стало не по себе.

– Я тебя не задерживаю? – спросил он и поднялся.

– Сиди, – тихо сказал Мэлс, и Егор сначала сел, а потом подумал с возмущением: почему я его слушаю?

– Помочь тебе хочу, – сказал Мэлс. – Конечно, это не мое дело... Но просто так на это смотреть я не в состоянии, ты

уж извини.

Черт, подумал Егор. Он окончательно рехнулся, а я, как дурачок, приперся к нему кофейку попить...

– Да я-то не сумасшедший, – досадливо сказал Мэлс. – С тобой вот беда...

Егор встал:

– Прости, мне пора.

Мэлс встал тоже. Он стоял, загораживая выход из кухни – и оказалось, что он на полголовы выше Егора и раза в полтора тяжелее его.

– Мне пора, – повторил Егор нервно.

Мэлс стоял, загораживая дорогу. Егор шагнул вперед:

– Пропусти, пожалуйста, мне пора...

Мэлс взял его за плечи, надавил – и силой усадил на стул.

Егор пережил приступ страха – и сразу после этого приступ ярости. Рванулся, освобождаясь от Мэлсовых лап; бывший одноклассник навалился на него, как медведь на собаку, легко, как-то профессионально завернул ему руки за спину и широкой ладонью зажал рот.

Трещал, разрываясь по швам, Егоров пиджак. Больше не было слышно ни звука.

– Ты не бойся, – сказал Мэлс тихо. – Не бойся, пожалуйста, лично против тебя я ничего не имею.

Егор рванулся, и в какой-то момент ему даже показалось, что вот сейчас удастся освободиться.

Ничего подобного. Мэлс был странно, нечеловечески си-

лен. Егор не мог даже ругаться, потому что во рту у него оказалась какая-то тряпка.

– Не дергайся, Заварка, чтобы я тебя не покалечил случайно... Мне не надо тебя калечить. Десять минут просто посиди спокойно. И ты поймешь, что я имею в виду.

Мэлс поднял его, скрученного, как колбаса, и усадил на стул. И примотал ремнем к железной спинке; Егор смотрел на своего мучителя – и не верил, что все, что происходит, случилось на самом деле, а не во сне.

Мэлс выдвинул ящик стола. Вытащил металлический предмет... Машинку для стрижки волос.

– Тихо, Егор. Тихо. Все будет хорошо.

Металлическая спинка стула впилась Егору в позвоночник. Мэлс крепко взял его за подбородок – и Егор содрогнулся от прикосновения машинки к виску.

Мэлс стриг. На нижней губе у него выступил пот. Один глаз смотрел на машинку, второй – в окно; Егор чувствовал себя, будто зритель киноужастика, в одночасье оказавшийся по другую сторону экрана. Прямо из удобного кресла – да в руки маньяка...

Волосы падали ему на плечи, будто осенняя листва.

Вспомнился лысый парикмахер из столь ценимого шефом салона. Его мягкое, будто варежка, улыбчивое лицо. Прикосновения...

Воспоминание сделалось ярким и каким-то ненормально значительным, а потом померкло, будто в голове выключили

свет.

А когда свет вернулся – оказалось, что его волосы лежат по всей кухне, на столе, на полу, у него на плечах и на коленях. Что голове холодно и непривычно.

– Ох, блин, – тихо и как-то жалко сказал Мэлс. – Ну, я тебя развязываю, держись...

И долго резал веревки. Чтобы освободить Егора, Мэлсу потребовалось столько же времени, сколько он потратил, чтобы его связать.

Веревки упали на пол, но Егор продолжал сидеть, как будто вновь обретенная свобода была ему вовсе ни к чему.

– Кофе? Чай? – спросил Мэлс.

– Ты козел, – сказал Егор.

Мэлс молча взялся за чайник.

* * *

Он шел по ночному городу, и голове было холодно. Прохожие косились на него – наверное, Егор был похож на лопухого новобранца, шутки ради упакованного в элегантный, слегка разорванный деловой костюм.

Зажглись фонари. Вместе с ними в голове Егора включилась и затеплилась связная мысль – первая с тех пор, как он вышел из пропахшего котами Мэлсового подъезда.

А что скажет шеф, когда увидит «стильную» Егорову прическу?

Он остановился. Двумя руками взялся за гладкий, неприятный на ощупь затылок.

В витрине напротив стояли парень и девушка – пластмассовые, зато одетые на много тысяч каждый.

На краю фонтана сидели, обнявшись, настоящие парень и девушка. Целовались, не обращая на Егора внимания.

Фонари разгорались ярче. Девчушка лет пятнадцати жевала бутерброд возле ларька с сувенирами, рядом переминалась с ноги на ногу, почти загородив проход, огромная черная лошадь под седлом.

– Хотите прокатиться?

Егор помотал головой.

На ступеньках подземного перехода стоял старик в больших очках с толстыми линзами. Смотрел поверх очков, поверх Егоровой головы, поверх фонарей; в неловко приставленной к животу горсти его лежала одинокая пятикопеечная монета.

Егор отвернулся, будто испугавшись, и пошел в противоположном направлении. Ветер холодил затылок, струйка холода сбегала вдоль позвоночника, и он зашагал быстрее, чтобы согреться. Он шел, бежал, все оставалось по-прежнему, он сумеет объяснить шефу... Нет, ничего он не сумеет объяснить. Его уволят, завтра же уволят, он пропал, он погиб, как он теперь проживет...

Он споткнулся о край газона и растянулся на траве. Кто-то из прохожих присвистнул. Кто-то сочувственно заохал из-

дали.

Егор поднялся на четвереньки. Встал; долго отряхивал пиджак и брюки, но пятна все равно остались.

Почему он так боится увольнения? Он что, умрет, если его уволят?

Какое дело шефу до его прически?

Медленно, будто не веря себе, Егор двинулся к ближайшей телефонной будке. Стал искать по карманам карточку – наткнулся на мобильник. Долго разглядывал маленькую удобную трубочку, и не мог вспомнить Олиного телефона. Он запоминал телефоны наглядно, по расположению на диске или клавишах, а вот с мобилки, выходит, он Оле никогда не звонил?

Он вышел из будки. Долго не мог придумать, куда девать мобильник. Сунул обратно в карман.

Фонари горели голубым и желтым. Все вокруг отбрасывало двуцветные тени; Егор огляделся, понемногу узнавая знакомую площадь. Когда-то они гуляли здесь с Олей... Кажется. Только тогда на углу рос большой тополь – а теперь там помещался декоративный куст, аккуратно подстриженный в форме куба.

Егор сел на пустую скамейку. Отсюда, издалека, стриженный куст казался поролоновым.

Егор взялся за голову.

Прошедший год был весь тут. Он никуда не исчезал. И теперь уже никогда не исчезнет.

И все, что он говорил Оле... И все, чем он отвечал на ее слова и слезы...

И все его бывшие друзья...

И его родители, которым он уже месяца три не звонил...

И сам он, радостно поверивший в свою неслыханную удачу...

И лысый парикмахер с лицом мягким, как варежка.

И свеженькое, бодрое отражение Егора в большом парикмахерском зеркале.

Чем он смотрел весь этот год? Чем он думал? Чем он чувствовал – «стильно» стриженной башкой?!

...Прошло полтора часа, прежде чем на хорошо одетого бритого гражданина обратил внимание проходивший мимо милицейский патруль.

* * *

Шеф поднял голову.

Егор стоял в дверях, а секретарша тянула его за куртку, пытаясь вытащить обратно в приемную.

Шеф смерил Егора взглядом. Кивком разрешил секретарше удалиться.

– Дурачок, – сказал шеф, когда дверь закрылась. – Ты уволен.

– Нет, это я сам, – сказал Егор. – Я сам ушел. Я человек... А вот вы – пожалеете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.